

Как только Моисей произнёс слова согласия, то ощущение, будто силы вытекают из тела, а сам он становился всё холоднее и слабее, прекратилось.

Однако он не почувствовал, что обратно согрелся, и уж тем более — что новая сила снова начала поддерживать его... магическое ядро.

— Ваше высочество, — сказал Моисей, который, после согласия занять должность, вновь перешёл на почтительное обращение к Линю, хотя тон остался прежним, — может, дадите ещё?

Линь склонил голову набок.

Если бы это происходило в онлайн-чате, он, наверное, просто ответил бы Моисею вопросительным знаком.

Увидев в этих разноцветных глазах недоумение, Моисей сам тоже озадачился:

— Ну, моё магическое ядро, или, как ещё говорят служители, семя магии, кажется, перестало разрушаться, но всё равно в ужасном состоянии. Ты не сможешь мне подлатать его?

— Значит, магическое ядро тоже называют семенем магии? — Линь осознал, что слово «семя» в мистицизме и в богословии, похоже, имело особый смысл, и сказал: — Я бы и рад помочь тебе его восстановить, но... как это вообще делается?

— Неужели нужно учить тебя с самого начала? — Моисей устало приложил ладонь ко лбу.

Он глубоко вдохнул, опустил руку и, собравшись, сказал:

— Используй свою магию...

— Прости, что перебиваю, учитель Моисей, — поднял руку Линь, — но у меня нет магии.

Эти слова прозвучали так же, как когда-то в его прежней жизни на уроке: учитель просил сдать домашнее задание, а он поднимал руку и говорил, что не принёс его. Моисей посмотрел на него с выражением: «Ты серьёзно думаешь, что я поверю?»

— Не может быть, чтобы не было магии, — возразил новоиспечённый священник. — Все божества, будь то Столпы или тёмные боги, являются мощными источниками магического излучения. Одним лишь существованием они меняют магическую экосистему целых областей, порождая разных святых духов и демонов. Одним дыханием вы можете вызвать всплеск магической бури, а ты говоришь, что у тебя нет магии?

— Вау, — протянул восемнадцатилетний Линь с выражением восторженного восхищения.

Но этот восторг быстро сменился серьёзностью: такая сила, судя по всему, была трудна в контроле. А если прибавить сюда правило, что магия несёт в себе скверну, то существование тёмных богов почти равнялось катастрофе.

То, что верховный инквизитор без колебаний выстрелил в него, не слушая оправданий, имело смысл.

— Но всё же, — сказал Линь, — у меня действительно нет магии.

Моисей не смог поверить:

— Ты уже не раз пользовался зеркальными скачками — это ведь заклинание, верно? Ты применяешь магию и утверждаешь, что у тебя нет магии!

Линь развёл руками:

— Я и сам удивляюсь. Но когда я перемещаюсь между зеркалами, мне достаточно одного мысленного усилия — и я не чувствую, что из меня что-то уходит. Даже сейчас, когда я вижу твоё магическое ядро, я просто вижу, как под твоей грудью что-то едва заметно светится. Но ощущать, как служители чувствуют магические колебания... возможно, у меня просто нет этого органа восприятия?

— ...Органа восприятия? — лицо Моисея стало ещё более растерянным, чем у Линя. — Ваше высочество, почему вы так решили?

— Ты ведь видишь, что у меня генетическое отклонение, верно? — сказал Линь. Как переселенец, он понимал, что его тело сильно отличалось от тел местных зверолодов. Возможно, то, что он не чувствовал магию, объяснялось отсутствием у него какого-то органа, который у зверолодов был.

— И что такого, если божество выглядит немного странно? — Моисей посмотрел на него с видом «мало ты в жизни видел». — Я-то думал, ты просто внешне необычен, а ты, оказывается, под прикрытием «генетической болезни» прямо в Инквизицию затесался.

«Какое уж тут прикрытие, мои гены действительно другие, — подумал Линь. — И вообще, под "внешне необычным" Моисей, надеюсь, не имел в виду, что я выгляжу "слишком необычно, чтобы быть обычным"?»

Он чувствовал, что должен бы обидеться, но за три года пережил столько дискриминации по внешности, что слова Моисея уже не вызвали никаких эмоций.

Тем более что сейчас Моисей явно волновался за него.

— Как же может не быть магии? Это неправильно... Наверняка что-то случилось... Может, ты слишком долго был в Инквизиции и подвергся какому-то странному воздействию?

— Что, по-твоему, представляет собой Инквизиция? — устало спросил Линь, но вдруг насторожился.

Моисей заметил, что тот словно прислушивался к чему-то. Его расплывчатое лицо, где чётко различались лишь разноцветные глаза, медленно моргнуло, и Линь сказал:

— Кто-то снаружи меня зовёт. Я пойду.

— Иди, не беспокойся обо мне, — беззаботно махнул рукой Моисей.

После того как власть над сном полностью перешла к Линю, осколок «Раковины» в руках Девы Серебряной Луны потерял силу. Этот мир тьмы, наполненный жемчужинами сна, теперь открывался только Линю — ни одна другая сущность не могла в него войти.

Беспокоиться действительно было не о чем. Линь попрощался с Моисеем, и когда вновь открыл глаза, то уже находился в зале Большого запечатывающего ритуала.

В помещении царил беспорядок: его коллеги, блуждавшие во сне по офису, очнулись и наконец-то смогли заменить отсутствующего Аллета, запустив несколько других ритуальных залов.

Во время войны в центральном отделении Инквизиции проводился не только Большой запечатывающий ритуал. Как официальная организация, которой покровительствовали все Шесть Столпов, Инквизиция, даже когда враги осмеливались прийти прямо к ним в логово, почитала за честь стереть их в прах магическими ритуалами — это был способ воздать должное их смелости.

Но в этот раз враг появился слишком внезапно, и ритуальное подразделение центрального отделения, кроме Яркитоги, Линя и Аллета, оказалось буквально стёрто с лица земли.

Когда же оставшиеся ритуалисты очнулись, битва уже подходила к концу.

Если говорить точнее — сражение уже закончилось.

К счастью, новый директор Яркитога среагировала быстро, а Линь оказался надёжным — иначе их ритуальное подразделение в этой битве вообще бы ничем не отметилось.

Что до Аллета — коллеги лишь молились, чтобы тот хотя бы не слишком тянул их назад.

Очнувшиеся ритуалисты, упрямо желая доказать, что тоже внесли вклад, всё же запустили два ритуала — один для постепенного заживления ран по всему полю, другой — для широкомасштабного очищения.

Некоторые заботливо подошли к Линю.

— Линь, — сказала коллега-зверолюдка с длинными ушами, присев перед ним на корточки и внимательно разглядывая его, — у тебя лицо всё красное, неужели температура поднялась?

Вернувшийся из сна Линь моргнул в растерянности. Левый глаз, на котором не было ритуального круга, оставался под слоем бинтов и ничего не видел; правый, где круг всё ещё светился, различал очертания смутно.

Его глаза наполнились слезами.

Горло болело, будто в нём застрял камень. Простое глотательное движение вызывало боль и зуд, заставлявший его с трудом сдерживать кашель.

Он всё же сдержался — кашлять, когда коллега сидит прямо перед ним, было бы неловко.

Он попытался ответить, но не смог произнести ни звука. Девушка поспешно подала ему стакан горячей воды. Линь сделал глоток и почувствовал слабую солоноватость.

Отвечать уже не требовалось — по нему и так всё было ясно.

Коллега вскочила, позвала на помощь. Прибежали двое мужчин — одним из них, разумеется, оказался Аллет, которому непременно требовалось помочь лично. Они отвели Линя в комнату отдыха и уложили на привычную для него кровать.

Спустя некоторое время пришёл кровеплотяной целитель. Он осмотрел Линя, измерил температуру и, убедившись, что простуда и жар не поддаются исцелению заклинаниями, лишь выписал несколько рецептов и велел принять лекарства.

Дрожащий от озноба Линь, закутавшись в одеяло, сидел на кровати и пил отвары.

Даже он сам не мог до конца осознать, как так вышло.

Совсем недавно он ещё мог вырвать власть над сном из рук Девы Серебряной Луны и выстоять под дулом пистолета верховного инквизитора.

А теперь — лежал с температурой, кашлял до удушья и чувствовал, что вот-вот отключится.

«...Может, это проделки Тёмного Солнца?»

Шутка, конечно. Но именно теперь, протрезвев после недавнего прилива эйфории и победного азарта, Линь ясно понял — по сути он всё ещё был хрупким смертным.

Смертным, который может умереть.

Хотя, впрочем, и боги умирают — только не от простуды.

Выпив лекарства, Линь вскоре погрузился в полусон, вызванный жаром и действием снадобий.

Ему послышались голоса — будто кто-то сказал, что арх-инквизитор прибыл, что Большой запечатывающий ритуал прекращают. Затем он увидел странные, смутные картины: небо, разорванное трещинами, из которых лился звёздный свет; повсюду кровь и тела; он и верховный инквизитор шли по тихой улице, улыбаясь и разговаривая; выстрел, пуля, кровь; руки, что то сжимались, то разжимались.

Рука легко коснулась его лба.

Линь резко распахнул глаза — он спал.

Но человек, которому принадлежала эта рука — его начальник, верховный инквизитор Фельдграу Дуофюр, — действительно стоял перед ним, склонившись.

Фраза «достаточно очистить тебя самого» всё ещё звенела в ушах. Увидев инквизитора, Линь, в бреду от жара, не знал, успел ли выдать себя выражением лица.

Фельдграу отнял руку от его лба и нахмурился, вглядываясь в него.

— Плохой сон? — спросил он. — Ты стонал.

— Наверное, — прохрипел Линь. Яркие образы сна всё ещё стояли перед глазами. Может, частые встречи с дулом инквизиторского пистолета слишком давили на него. — Просто жар, очень тяжело... — его голос осип и звучал еле слышно.

— Не говори, просто кивай или качай головой, — сказал Фельдграу, внимательно глядя на него.
— Линь, можно я посмотрю твой левый глаз?

— Левый глаз? — переспросил Линь.

Розовая жемчужина, символ власти над сном, сейчас находилась в его левом глазу. Поскольку он ещё не усвоил эту силу, зрачок Ока Зазеркалья оставался розовым.

Менялся ли при этом цвет глаза в реальности?

Раньше Линь не мог быть уверен, но теперь, имея некоторый опыт, предположил, что нет.

Он поднял руку, развязал бинты и снял повязку.

Две чёрные зрачковые бездны смотрели так же ясно, как прежде, лишь чуть поблёскивали из-за лихорадки.

На правом глазу мерцали золотые линии ритуального круга. Левый, без круга, блестел слезами, но больше не дрожал, как раньше.

— Болит? — спросил Фельдграу.

Произнося это, он едва коснулся пальцем уголка его глаза — осторожно, бережно, почти нежнее самой Мелодии Раковины.

«Он действительно умеет заботиться о своих союзниках», — подумал Линь, слегка качнув головой: не болит.

— Правда? — тихо уточнил Фельдграу. Морщины на его лбу не разгладились, но уголки губ чуть приподнялись — мелькнула мягкая улыбка.

Линь на мгновение застыл, глядя на него.

— Прекрасно, — сказал Фельдграу. — Прекрасно, — повторил он, уже тише, и с невероятной мягкостью добавил: — Даже в такой ужасной ситуации всё же случаются хорошие вещи.

Линь промолчал, глядя на него — и почему-то ощутил, что голова кружится ещё сильнее.

Свет лампы у кровати рассеивался в глазах Фельдграу, как дробящийся на блёстки огонь. Линь вспомнил, как недавно держал розовую жемчужину, любовался её бархатным, переливающимся орнаментом.

«Красиво».

...Но глаза верховного инквизитора были всё же чуть красивее.

<http://bllate.org/book/12612/1119996>